

М.К. Чуркин, Е.Е. Умнов

## ВОСПОМИНАНИЯ КАК ЭГО-ТЕКСТ: ДЕТСКАЯ ТЫЛОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На основе анализа эго-текстов обоснованы возможности воспоминаний в реконструкции детской тыловой повседневности сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны. Продемонстрирована вероятность через эмоционально-экспрессивные восприятие и трансляцию респондентами жизненных эпизодов тыловой повседневности раскрыть воздействие формальной, частично неформальной и неформальной среды на организацию повседневного поведения детей, стратегии и практики поведения в условиях военного лихолетья.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война; сибирская провинция; детская повседневность; эго-текст; письменные и устные воспоминания; история военного детства.

В отечественной исторической науке тема частных судеб, жизни «незамечательных людей» долгое время оставалась на периферии исследовательских штудий, приоритетное место в которых занимала политическая история. История Великой Отечественной войны, ставшей в России второй половины XX в. опорной точкой коллективной памяти нации, долгое время рефлексировалась в таких масштабных категориях, как «народ», «армия», «герой» и т.д., что способствовало не только консервации идеологических «штампов» в оценке содержательных аспектов событий 1941–1945 гг., но и формированию одномерных представлений о травматическом эффекте войны, в поле действия которого попадали чаще всего сюжеты фронтовой, но не тыловой повседневности.

В последние два десятилетия, когда отечественная историография оказалась в сфере влияния традиций «новой исторической науки», произошли кардинальные изменения в подходах к осмыслению ключевых событий российской истории и, что не менее существенно, в исследовательских практиках и методах интерпретации исторических источников. Приращение российской историографией таких направлений, как история повседневности, военно-историческая антропология, гендерная история, устная история, стало своеобразным плацдармом для смещения локуса исследований от изучения событий к изучению состояний, что ориентировало историков к широкому массиву эго-текстов, позиционируемых, в отличие от источника личного происхождения, не столько в качестве поставщика информации, сколько как хранителя и транслятора личных переживаний, внутренних ощущений и авторской идентичности.

За минувшее время исследователями, как западными, так и отечественными, было создано немало научных трудов по истории повседневности и феномену детства. Важно отметить, что изучение темы повседневности детства входит в предметную область таких дисциплин, как социология, антропология, история, педология, культурология. В выбранном нами контексте история повседневности позволяет рассмотреть сферу детской обыденности, формирования стратегий

адаптации к социальной среде в условиях трудной жизненной ситуации.

Н.Л. Пушкарева обращает внимание на то, что «повседневность – это совокупность привычных социальных взаимодействий, укладов жизни, правил обихода, это человеческие отношения, каждое из которых – рациональное, т.е. запланированное самими индивидами. В совокупности же каждое такое взаимодействие является частью структуры и порядка, которые никем не планировались и не предусматривались» [1]. Говоря иначе, выходя за границы привычного, обыденного и «нормального», можно определить черты и сферы обыденности детской повседневности, изменения ментальной повседневности человека. Изучение истории повседневности помогает понять жизнь «незамечательного» человека, его переживания, чувства, эмоции в определенный исторический период. Изучение повседневной жизни детей помогает рассмотреть определенную историческую реальность с другого ракурса: отвергая общественные клише, увидеть роль самого человека, его значимость и характерные особенности на определенном этапе развития.

Тематикой детства в годы Великой Отечественной войны занимаются многие исследователи. Так, в работе А.А. Сальниковой «Русское детство в XX веке: история, теория и практика исследования» автор рассматривает особенности детства детей на протяжении различных исторических этапов, а также мифы о «советском детстве», которое долгие годы считалось продуктом нового режима, где доминировали «счастье, безоблачность и защищенность» [2. С. 26]. В своем исследовании «Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения» Е.Ф. Кринко обращает внимание на различные малоизученные проблемы детей военного времени, оказавшихся в экстремальной ситуации [3]. На Урале вопросами детской повседневности занимались такие исследователи, как В.М. Коренюк [4. С. 72], А.Б. Суслов [5. С. 155]. Примечательно, что они раскрывают повседневную жизнь в годы Великой Отечественной войны не только детей, но и их родителей, а также трудности, с которыми пришлось столкнуться при воспитании [6. С. 44].

Е.В. Протасова в своем исследовании приводит устные и письменные воспоминания уральцев – детей войны, что позволяет рассмотреть события военных лет в индивидуальном измерении [7. С. 355]. Важно отметить, что некоторыми учеными подчеркивается наличие существенных отличий детской повседневности в годы Великой Отечественной войны в тылу, на фронте, на оккупированных территориях. Вопросами детской повседневности в Дагестанской автономной республике в этот период активно занимается И.А. Эмирханов [8. С. 52; 9. С. 167].

Актуальность данной работы состоит в том, что количество подобных исследований, проводимых на материалах сибирского региона, и в частности Омской области, довольно немногочисленно. Более того, приближение очередного юбилея Победы в Великой Отечественной войне вновь выводит на повестку дня вопрос о коммеморативных практиках и содержательных аспектах трансляции исторической памяти о событиях отечественной истории военного времени, влияния представлений о них на гражданскую идентичность.

В данной связи нам представляется существенным обращение к корпусу воспоминаний современников событий – детей войны, что даст возможность не только раскрыть многообразие индивидуальных реакций жителей провинции на череду политических, культурных, социальных явлений, инициированных событиями военных лет, но и реконструировать повседневный мир тылового детства, помещенный в контекст катастрофических событий эпохи.

Отметим, что тема «детской повседневности» периода Великой Отечественной войны в последние годы все чаще оказывается в поле зрения ученых, опирающихся в своих выводах на «детские тексты» и тексты детей войны. Внимание исследователей сконцентрировано на сложных процессах формирования детской памяти о войне, значимое место в которой занимают семья и школа в военные годы [10, 11]. Цель настоящей работы – выявить возможности воспоминаний в реконструкции детской тыловой повседневности сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны.

В ходе исследования нами были привлечены воспоминания респондентов 1925–1939 г.р., проживавших в годы войны в сельской местности, собранные и сверстаные сотрудниками Тарской централизованной районной библиотеки [12] и филиала ОмГПУ в г. Таре в 2014–2015 гг. [13]. Нами учтено, что в основе воспоминаний лежит память субъекта-мемуариста со всеми ее «родовыми признаками»: лакунами, неточностями в названиях, событийном контексте. Также принимались во внимание обстоятельства временной дистанции между описываемыми событиями и собственно составлением воспоминаний. В результате, из 50 текстов нами было отобрано 33. Выбор был сделан с опорой на современные психологические подходы, в частности выводы К. Нельсон, утверждавшей, что факт появления автобиографической памяти у ребенка фиксируется только в определенный период жизни – после выхода из детской амнезии, которая ограничена возрастом четырех лет [14. Р. 172–177]. Также учитывалось, что

детские воспоминания, как правило, «отягощены» поздней авторской рефлексией. З. Фрейд считал, что детские воспоминания – это позднейшая обработка давних впечатлений, подвергшихся воздействию различных психических сил более позднего времени, но при этом они остаются отражением реальных событий, происходивших в прошлом человека [15. Р. 48]. По констатации Л. Киршенбаум, «к тому времени, когда дети оказываются в состоянии давать себе отчет в своих словах, они уже не являются детьми, и их мемуары отражают отныне как детские, так и взрослые толкования и эмоции» [16. Р. 165]. Например, типичными в воспоминаниях детей войны можно назвать регулярно встречающиеся в текстах свидетельства о политической окраске событий – налоговых практиках, репрессивных действиях властей и т.д. [12. С. 25–26, 32, 42].

В результате обработки эго-текстов воспоминаний детей войны удалось прийти к следующим предварительным выводам. Внимательное прочтение воспоминаний, раскрытие их эмоционально-смысловой доминанты позволяют утверждать, что в сельской среде сибирской провинции, как и в предвоенный период, основными структурами детской повседневности продолжали оставаться семья, школа, улица. Через эмоционально-экспрессивные восприятие и трансляцию респондентами жизненных эпизодов тыловой повседневности становится возможным раскрыть воздействие формальной (школа), частично неформальной (семья) и неформальной (улица) среды на организацию повседневного поведения детей.

Школа в сибирской провинции в военные годы, частично утратила статус сугубо образовательного учреждения, выполняя широкий спектр экономических и идеологических функций. В летнее время школьников централизованно привлекали для работы в колхозах, учащиеся были задействованы в уборочных работах осенью. Воспоминания А.С. Алфёровой (1939 г.р.) – жительницы с. Кутырлы Тюкалинского района Омской области – очень точно передают эмоциональное состояние ребёнка военной поры, в котором причудливым образом сочетались признание важности и продуктивности подобной работы со страхом наказания: «Школа всегда была помощницей в трудный момент. Нас снимали с занятий и везли на работы. Работы были разные, тяжелые, мужские, а их-то и не было... Летом пололи осот на посевах, были на покосе. Осенью собирали колоски на полях, копали картофель, рвали турнепс. Холодно, холодно, но домой унести никто ничего не мог. За горсть гороха или пшеницы с тока сажали безжалостно в тюрьму» [12. С. 7]. По мнению исследователя О.А. Дорошевой, «достижением общеобразовательной школы в тот период явилось и укрепление связи воспитания и обучения с реальной жизнью с трудовыми усилиями народа, с его героической борьбой против захватчиков. Большое значение имело возвращение в школу трудового обучения. В специфических условиях военного времени полностью подтвердилась правильность принципа сочетания теоретического обучения с производительным трудом» [10. С. 8].

Определенные изменения произошли и в семейной сельской повседневности, что проявилось в консерва-

ции жизненного уклада и наиболее рельефно реализовывалось в стратегиях поведения сельского населения в условиях риска. В частности, Екатерина Ефимова, проживавшая в те годы в Тарском районе Омской области, вспоминала впоследствии: «Питание было скудное: натертая картошка с кожурой варилась в воде – получался суп... Нашей семье повезло, что была жива бабушка, и она старалась что-нибудь приготовить. Помню, что бабушка из сваренного толченого картофеля, добавив «выскорки» (так называли выжарки от жира), накатывала «катульки» (колобочки), замораживала и давала мне, когда я уезжала в лес на целый месяц. Картошки сажали много... держали коровку, поэтому на одной траве семья не сидела. А многие ели мерзлую картошку, крапиву, лебеду... В ход шли черемша и нераспустившиеся шишечки хвоща полевого – “гигили”» [12. С. 78]. В.С. Логинов (1935 г.р.), проживавший в те годы в Тарском районе Омской области, вспоминает: «Питались очень плохо, в основном картошкой, все мясо шло на сдачу государству для фронта... Однажды мать собралась зарезать овцу, пошла к соседу, а он отказался. Сказал – вас, женщин, много и всем помочь я не смогу, на всех меня не хватит. И вот тогда она пришла домой, а детей-то кормить надо, и сама зарезала овцу, а потом стала наниматься в Горчаково и в Ложниково резать скотину к одиноким женщинам, за что ей платили убоим... Хлеба настоящего не ели. В хлебе было все, кроме настоящей муки: горох, овес, ячмень, картофельная мука, отходы из-под вялки» [Там же. С. 50].

Показательно, что логика повествования авторов мемуарных текстов в полной мере совпадает с теорией «эластичности жизненного стандарта» сельского населения, озвученной еще в дореволюционной России. Так, А. Трайнин, изучавший в начале XX в. проблему различия в строении городской и сельской обеспеченности, полагал, что «недоедание» в деревне носит хронический, наследственный характер. От отца к детям переходит долготерпение и способность удовлетворяться самым малым. Ухудшение крестьянского хозяйства происходит постепенно, последовательно... [17. С. 38]. В воспоминаниях детей войны подвижность жизненного стандарта предполагала не только уникальную способность «затягивать пояса», но и стремление выработать такие стратегии и практики, которые были бы направлены и на улучшение качества жизни, во всяком случае в границах концепции «выжить во что бы то ни стало».

И.Ф. Кузьмин (1932 г.р.), заставший те тяжелые годы в пос. Дмитровка Тогучинского района Новосибирской области, так вспоминает свое детство: «Мужчин призвали на фронт. В колхозе было большое хозяйство: коровы, лошади, овцы, поля были засеяны хлебом. Везде были нужны рабочие руки, и вот этот непосильный труд жизнь взвалила на хрупкие плечи женщин и детей. Дети наравне со взрослыми пропалывали грядки, дергали лен, помогали заготавливать сено и силос на корм скоту, копали картошку, собирали колоски. Дома тоже сажали картошку, она была основным средством питания. Бывало, что картошки не хватало до нового урожая, тогда собирали съедобные травы:

пестики, гусинки, пучки, крапиву и лебеду. Хлеба не видели, потому что колхоз все сдавал государству для фронта. Выручала корова, все травы варили, забеливали молоком, так и жили. В школе не хватало учебников, не было тетрадей, чернил, ручек. Писать приходилось на старых книгах между строк. Чернила изготавливали из сажи или свеклы. После окончания 4 классов Ваня стал работать в колхозе. Двенадцатилетние и тринадцатилетние мальчишки работали в основном на лошадях. Весной во время посевной пахали, борошили, летом заготавливали корма: косили, гребли на конных граблях и сенокосилках. Осенью убирали хлеб, отвозили зерно от комбайна на ток в мешках, грузили мешки вдвоем. В короткие часы отдыха спали прямо на току, домой идти не было времени и сил. Зимой возили сено, солому, дрова» [18. С. 29].

Сельское хозяйство Сибири в первый период войны развивалось в своеобразных условиях. К началу июня 1941 г. во всех районах обширного края были закончены весенние полевые работы, на полях зрел богатый урожай. Перед тружениками сельского хозяйства встала нелегкая задача вырастить его, а затем своевременно убрать. Между тем с каждым днем войны количество техники в колхозах, МТС и совхозах стремительно уменьшалось. За первые шесть месяцев войны колхозы и МТС Западной Сибири, основной житницы районов, расположенных за Уралом, дали фронту 10 221 грузовую машину, или 92% от их наличия, на 24,3% сократилась численность конского поголовья. Из областей и краев Сибири было взято 5 043 трактора. Остались тракторы и автомашины старых образцов, требующие капитального ремонта, а производство запасных частей, например для тракторов, сократилось в 5 раз, по многим другим деталям – в 5–10 раз. Резко уменьшилась обеспеченность бензином: на Алтае – на 55%, в Красноярском крае – на 24,9%, в Новосибирской области – на 56,6%, в Омской области – на 72,1%. На первой военной уборке урожая пришлось использовать сенокосилки, косы и даже серпы. Одновременно резко сократилась численность трудоспособного населения [Там же. С. 50].

Ослабление материально-технической базы привело к росту конно-ручного труда в артелях и совхозах. Колхозники и рабочие совхозов с первых дней войны стали готовиться к тому, чтобы шире использовать тягло, восстанавливали инвентарь, для своевременной уборки урожая пришлось обратиться к помощи городского населения. Обкомы и крайкомы вместе с советами мобилизовали свободное население городов и рабочих поселков (в том числе и детей) на полевые работы, вместо ушедших в армию председателей колхозов, их заместителей, бригадиров направили опытных коммунистов. В связи с отсутствием тракторов и другой техники для уборки урожая часто использовали коров. Вот как вспоминает те времена А.И. Пахомова-Терещенко (1937 г.р.): «Все хозяйственные дела были распределены детьми. Как-то я полола грядки и вместе с травой вырвала все бобы. Жилось во время войны холодно и голодно, хотя корова была, но она давала совсем мало молока, потому что в войну техники не было, лошадей забрали на фронт, и все полевые рабо-

ты выполняли на коровах: пахали, сеяли, убрали урожай, возили из леса дрова. Летом жилось легче, как только сходил снег, мы ходили собирать полевой лук, позже собирали ягоды, грибы. Выручали крапива, лебеда, варили из трав суп, добавляли в хлеб. Осенью после уборки зерновых собирали колоски и сдавали их на ток. Для себя колоски и картошку собирали после того, когда выпадал снег. Зимой было трудно, трав, ягод не было, и приходилось есть жмых, который привозили для животных. На всю семью у нас были одни валенки и одна телогрейка» [18. С. 50].

Стоит отметить, что на сельских жителей, в отличие от городского населения, не распространялось государственное обеспечение. За отработанные трудодни сельское население получало лишь продукты по остаточному принципу, которых зачастую не хватало на всех нуждающихся. Как вспоминает Г.М. Белоус (1938 г.р.), проживавшая в то непростое время в с. Верх-Ики Легостаевского района Новосибирской области, «в военное время в колхозе остались одни дряхлые старики, женщины и дети, которым приходилось трудиться с раннего утра и до поздней ночи. За мной присматривал старший брат... Семья жила очень бедно, потому что труд в колхозе в то время оплачивался палочками. В конце года за эти палочки почти ничего не получали, за погибшего отца тоже ничего не получали. Корова была, но молоко сдавали на молококанку, а взамен приносили обрат. Все шло для фронта. Когда окончилась война, жить лучше не стало. Все шло на восстановление хозяйства» [Там же. С. 14].

Как следует из воспоминаний участников тех событий, дети разного возраста не только занимались собирательством по лесам и полям ягод, орехов, различных съедобных растений, но и всемерно помогали взрослым на сезонных сельскохозяйственных работах. Дети внесли немалый вклад в обеспечение продукцией фронтовых областей, детский труд оказался серьезной подмогой женщинам, оставшимся одним на хозяйстве. Дети по мере возраста и сил помогали взрослым на колхозных полях, скотных дворах, частном подворье. Они собирали колоски на полях после уборки урожая, ухаживали за скотом, ездили в лес заготавливать дрова, пахали, сеяли, участвовали в заготовке сена и т.д. [19. С. 14].

Одной из трудностей, с которыми сталкивались учащиеся и военного, и довоенного периода, являлась отдаленность школ от многих населенных пунктов. По воспоминаниям Валдиса Яновича (1928 г.р.), проживавшего в тот период в д. Курляно-Дубовка Тарского района Омской области, «совсем другое отношение к жизни было. За примером далеко ходить не нужно. Нынешние школьники ленятся на занятия сходить, через улицу перейти. А я в первый класс пять с лишним километров ходил до школы. Мы жили хуторами, и я со своего хутора шагал эти пять километров. И никто не провожал утром на занятия. Старшеклассники шли – так мы с ними. Знаешь дорогу – шагай! Хоть зимой, хоть по темноте. Все пешком. Если встретится попутно дядька с хутора на телеге – подвезет. Ох и радости тогда было – “прокатился на коне!” Когда в пятом классе учился, у нас в Курлянке была семилет-

ка, и из соседних деревень к нам шли – там только начальная школа была» [12. С. 44]. А.С. Корнеева, будучи в тот период студенткой 2-го курса педагогического института, была отправлена на работу в Колосовский район Омской области; она так рассказывает об этом периоде: «Большинство студентов направили на работу в сельские школы. Меня направили в райцентр – село Колосовку. Там была средняя школа, единственная на весь район. В других селах были семилетние и начальные школы» [Там же. С. 120].

Однако, несмотря на экстремальные условия, не обошлось и без нововведений в образовательном процессе. Новым в жизни школьников стало обучение по программе всеобуч (на тот момент оно охватывало детей с 8 до 14 лет, позднее – с 7 лет.): на занятиях дети изучали военное дело, бегали, маршировали. Кроме того, в селах, в которых жили представители разных национальностей (белорусы, чуваша, зыряне, чалдоны и др.), серьезное внимание уделялось изучению русского языка как языка межнационального общения в условиях военного времени. Данная практика в годы войны применялась в разных частях СССР [19].

Изучая эго-тексты можно увидеть, что характерными для повседневной жизни учащихся того периода были отсутствие учебных и канцелярских принадлежностей, острый недостаток или отсутствие учебной литературы. Чем дальше находилось селение от районного или областного центра, тем более остро это ощущалось. Школьникам вместо тетрадей зачастую приходилось использовать обрывки газет, различные листовки или бланки разных ведомостей. Как вспоминает В.С. Логинов, «чернил и бумаги не было, поэтому писали на старых книгах и журналах (между строк), а чернила делали сами из смеси молока и сажи» [12. С. 96].

Наиболее стабильным с точки зрения организации и функционирования оставалось в сибирской провинции военного времени пространство неформальной уличной жизни, что подтверждается и многочисленными фрагментами воспоминаний детей войны. Несомненно, менялись виды детских игр, их риторическое обеспечение, но главные их свойства – беззаботность и вневременной характер – оставались неизменными. Совершенно справедливо утверждение, что в «детской» автобиографической памяти событие погружено не в ситуативный (событийный), а в смысловой контекст истории жизни. Форма осознания события имеет социально-смысловую, обладающую динамикой во времени, произвольно реконструируемую организацию. Кроме того, «первое воспоминание», а для всех авторов мемуарных текстов оно таковым и являлось, всегда актуализируется по типу «яркого» [11. С. 12] и имеет рельефно окрашенный эмоциональный оттенок. В данном плане воспоминания о катастрофическом военном лихолетье преломлялись через детское сознание, в котором бытовые трудности вытеснялись позитивным восприятием жизни: «Наконец услышали: “Война!” Женщины навзрыд заплакали, мальчишки закричали: “Ура!”, пошли палками сечь крапиву...» [12. С. 38]; «Женщины соберут нас, малышня, чтобы мы не болтались где попало... и дадут нам задание, чтобы мы вот лошадей гоняли, вроде как забава...»

[13. С. 178–179]; «Но дети все равно находили время побегать на улице, играли в войну» [Там же. С. 180]; «Чуть свободное время – бежим играть, да младших сестренек за собой тащу, надо и за ними приглядывать. Играли в “чухи” да шарики» [Там же. С. 21].

Т.К. Щеглова в одной из своих работ рассматривает практики по обеспечению крестьянского жилища топливом в годы войны [20. С. 167]. В частности, она отмечает, что «в годы Великой Отечественной войны повсеместно осуществляется замена дров второстепенными в традиционной культуре русского сельского населения видами топлива. Как говорят респонденты, «топили, кто чем мог» [Там же. С. 168]. Справедливо данное утверждение и по отношению к жизни в Омской области. Как вспоминает О.Г. Грушенко (1936 г.р.), проживавшая в селе Большеречье Омской области, «дров не было, и мама с другими женщинами на санках возила тальник. Тепла от него почти не было. Мама сажала нас на печку, ставила туда патефон, чтобы нас и согреть, и отвлечь от голода, проигрывая пластинки» [12. С. 18].

Одной из серьезных проблем того времени в повседневной жизни учащихся была нехватка помеще-

ний для учебы. Классы были холодными, и отапливать их было нечем, вследствие чего зачастую занятия попросту отменялись. Ремонт школ производился крайне медленно и не совсем качественно. Часто для школ выделяли иные помещения. Как вспоминает А.С. Корнеева, «школа летом для себя готовила дрова, отопление было печное, но дров не хватало, и в классах было прохладно. Никто не возмущался, все понимали, что трудности надо переживать мужественно. Ребенок, идя в школу, нес с собой, кроме книг, пузырек с чернилами и коптилку». Также, помимо учебных принадлежностей, не хватало и одежды [Там же. С. 121].

Таким образом, смещение фокуса внимания исследователя с вопросов информативности источника к эмоциональным переживаниям и ощущениям автора эго-текста открывает дополнительные возможности реконструкции структур повседневности и стратегий поведения человека и локальных сообществ в обстоятельствах риска. Обращение к воспоминаниям детей войны является существенным подспорьем к восстановлению полноценной картины повседневной жизни сельского населения провинции в годы Великой Отечественной войны.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения. URL: <http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0350-0861/2005/0350-08610553021P.pdf> (дата обращения: 27.11.2019).
2. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 255 с.
3. Кринко Е.Ф. «Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-voennykh-let-1941-1945-gg-problemy-i-perspektivy-izucheniya> (дата обращения: 27.11.2019).
4. Корень В.М. Провинциальное детство в 1941–1945 гг. (на материалах Молотовской области) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 2. С. 72–76.
5. Корень В.М., Сулов А.Б. Особенности повседневной жизни «социально опасных детей» в послевоенное время // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2018Т. 20, № 2 (175). С. 155–168.
6. Корень В.М., Сулов А.Б. «Военная повседневность детей репрессированных родителей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области)» // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44) С. 44–52.
7. Протасова Е.В. Военное детство в воспоминаниях уральцев о 1941–1945 годах // Научный диалог. 2017. № 10. С. 355–367.
8. Эмирханов И.А. Повседневность дагестанских школьников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-dagestanskikh-shkolnikov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg> (дата обращения: 27.11.2019).
9. Эмирханов И.А. Детские будни тылового региона в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дагестанской автономной республики) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 187–191.
10. Дорошева О.А. Школьное образование на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. : автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Оренбург, 2003. 26 с.
11. Чуркин М.К. Воспоминания «детей войны» в коммеморативных практиках российского общества: «место памяти» или «место забвения»? // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). С. 86–91.
12. Жизнь, опаленная войной (воспоминания тружеников тыла и детей войны) / сост. Т.И. Царегородцева, Г.К. Нечаева. Омск : Амфора, 2015. 120 с.
13. Березина Т.Ю., Лугина Я.А. Мы были... : воспоминания о войне. Омск, 2015. 206 с.
14. Nelson K. Emergence of Autobiographical Memory at Age 4. Human Development, 1992. 338 p.
15. Freud S. Childhood memories and screen memories // The complete psychological works of Sigmund Freud : XXIII vols. / ed. & trans. J. Strachey. London : Hogarth, 1960. Vol. VI. P. 43–52.
16. Kirschenbaum L. Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. New York ; London, 2001. 362 p.
17. Трайнин А.А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. № 7. С. 29–42.
18. Детство, опаленное войной : воспоминания ветеранов – детей войны // сост. Г.П. Павлова, Л.Н. Браун, О.Г. Синчило, В.Ф. Мартынова. Новосибирск : Сиб. кн. изд-во, 2011. Кн. 2. 144 с.
19. Нуркова В.В. Методы исследований автобиографической памяти в психологии // Вестник Университета Российской академии образования. 1999. № 2. С. 11–17.
20. Щеглова Т.К. Экология жилища и традиции собирательства топлива русским сельским населением юга Западной Сибири в годы войны 1941–1945 гг.: по полевым исследованиям // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 167–176.

Mikhail K. Churkin, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Egor E. Umnov, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: istfak16@gmail.com

**MEMORIES AS EGO-TEXT: CHILDREN'S REAR EVERYDAY LIFE OF THE SIBERIAN PROVINCE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (WORLD WAR II)**

**Keywords:** The Great Patriotic War (World War II), Siberian province, history of military child, rear area child, the everyday lives of children, ego-text, writing the history of memory.

The article, based on the recollections of the “children of war”, reveals strategies and practices of adaptive behavior of the provincial population in the conditions of a “difficult life situation”, which was the sociocultural context of everyday life of citizens during the Great Patriotic War of 1941–1945. The use of the complex and ambiguous concept of “ego-text” (“self-evidence”, “auto-text”, “I-document”) in the article implies a shift in research attention from the study of events to the study of states. As a result, the ego source, in contrast to the source of personal origin, is positioned not so much as a provider of information, but as a reservoir and translator of personal experiences, internal spiritual sensations and author’s identity. The achievement of the goal of the study was accompanied by the development of the historiographic tradition of the studied problems. It was found that the theme of children’s rear everyday life, for many years, was a peripheral plot of historiography, which was largely due to the orientation of historians to understanding the role of the “first plan” man in the historical process. Under the conditions of an anthropological turn of the 20th – 21st century, an obvious drift of research interest has been outlined in the direction of studying the fate of people who were not the subject of scientific reflection of historians. Thus, an appeal to the corpus of memoirs of contemporaries of events - children of war, provided an opportunity not only to reveal the diversity of individual reactions of provincial residents to a series of political, cultural, social phenomena initiated by the events of the war years, but also to reconstruct the everyday world of rear childhood, placed in the context of catastrophic events era. During the study, the memories of respondents born in 1925–1939 who lived in the countryside during the war were attracted. It was considered that the memory of the subject-memoirist, with such characteristic signs as memory gaps, inaccuracies in names, event, is the basis of the memories. As a result of processing the ego texts of the memoirs of “children of war”, a hypothesis was put forward and substantiated, according to which in the rural environment of the Siberian province, as in the pre-war period, the main structures of children’s everyday life continued to be family, school, street. Through the emotionally expressive perception and broadcast by respondents of life episodes of rear everyday life, it becomes possible to uncover the impact of the formal (school), partially informal (family) and informal (street) environment on the organization of children’s everyday behavior.

## REFERENCES

1. Pushkareva, N.L. (2005) “*Istoriya povsednevnosti*” i etnograficheskoe issledovanie byta: raskhozhdeniya i peresecheniya [“History of everyday life” and ethnographic study of everyday life: discrepancies and intersections]. [Online] Available from: <http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0350-0861/2005/0350-08610553021P.pdf> (Accessed: 27th November 2019).
2. Salnikova, A.A. (2007) *Rossiyskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian childhood in the 20th century: history, theory and practice of research]. Kazan: Kazan State University.
3. Krinko, E.F. (n.d.) *Detstvo voennykh let (1941–1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya* [The war childhood (1941–1945): problems and prospects of study]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-voennykh-let-1941-1945-gg-problemy-i-perspektivy-izucheniya> (Accessed: 27th November 2019).
4. Koreniuk, V.M. (2015) The childhood in a province in 1941–1945 (on materials of Molotov area). *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2. pp. 72–76.
5. Koreniuk, V.M. & Suslov, A.B. (2018) The Everyday Life of ‘Socially Dangerous Children’ in the Postwar Period. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. №2, Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 20(2). pp. 155–168. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2018.20.2.032
6. Koreniuk, V.M. & Suslov, A.B. (2016) Everyday life of children of “enemies of the people” during the Great Patriotic War: The case of the Molotov region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(44) pp. 44–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/44/6
7. Protasova, E.V. (2017) Wartime Childhood in Memories of Residents of Urals about 1941–1945. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 10. pp. 355–367. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-355-367
8. Emirkhanov, I.A. (n.d.) *Povsednevnost' dagestanskikh shkol'nikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Dagestan schoolchildren’s everyday life during the Great Patriotic War of 1941–1945]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-dagestanskikh-shkolnikov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg> (Accessed: 27th November 2019).
9. Emirkhanov, I.A. (2017) Children’s Daily Routine in the Rear Region During the Great Patriotic War (Based on the Material of the Dagestan Autonomous Republic). *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 17(2). pp. 187–191. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-187-191
10. Dorosheva, O.A. (2003) *Shkol'noe obrazovanie na Yuzhnom Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941–1945 gg.* [Schooling in the Southern Urals during the Great Patriotic War: 1941–1945]. Abstract of History Cand. Diss. Orenburg.
11. Churkin, M.K. (2016) Memories of “children of war” (1941–1945) in commemorative practices of the Russian society: “place of memory” or “place of oblivion”? *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya – Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2(11). pp. 86–91. (In Russian).
12. Tsaregorodtseva, T.I. & Nechaeva, G.K. (2015) *Zhizn', opalennaya voynoy (vospominaniya truzhenikov tyla i detey voyny)* [Life scorched by the war (memoirs of the rear workers of war children)]. Omsk: Amfora.
13. Berezina, T.Yu. & Lugina, Ya.A. (2015) *My byli...: vospominaniya o voyne* [We were ...: memories of the war]. Omsk: [s.n.].
14. Nelson, K. (1992) Emergence of Autobiographical Memory at Age 4. *Human Development*. 35. pp. 172–177. DOI: 10.1159/000277149
15. Freud, S. (1960) *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. Vol. 6. London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis. pp. 43–52.
16. Kirschenbaum, L. (2001) *Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. New York: Routledge.
17. Traynin, A.A. (1909) Prestupnost' goroda i derevni v Rossii [Urban and Rural Crime in Russia]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 29–42.
18. Pavlova, G.P., Braun, L.N., Sinchilo, O.G. & Martynova, V.F. (2011) *Detstvo, opalennoe voynoy. Vospominaniya veteranov – detey voyny. Kniga vtoraya* [Childhood seared by the war. Memories of veterans – children of war. Book Two]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
19. Nurkova, V.V. (1999) Metody issledovaniy avtobiograficheskoy pamyati v psikhologii [Methods of autobiographical memory research in psychology]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy Akademii obrazovaniya*. 2. pp. 11–17.
20. Shcheglova, T.K. (2018) Household ecology and fuel gathering traditions of Russian rural population of the south of Western Siberia during the war years, 1941–45: On the basis of field research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 167–176. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/435/22